

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Советская культура

1965 год 5 ВТОРНИК, 15 ЯНВАРЯ 1965 г. Цена 3 коп.

Новости

ЗВОНКАЯ ДЕКАДА

Последняя декада марта будет в Минске праздничной: со всех концов республики съедутся все народные таланты на декаду самодеятельного искусства.

Идет сейчас заключительные концерты зрительского конкурса артистов-любителей. Журю отбирает кандидатуры для поездки в Минск.

МЕДАЛИ ИЗ ПАРИЖА

ЧЕТЫРЕ серебряные и бронзовые медали получили советские художники на седьмой выставке живописи, графики и скульптуры Международной Федерации интеллектуально-художественных объединений железнодорожников.

Жюри высоко оценило работы советских художников. Большими серебряными медалями отмечены этюд «Рыбак» и картина «Вербный рейс».

Концертная эстафета эстрады

Рассказывает директор Московского государственного театра эстрады Н. Мосисов

В ЭТОМ МЕСЯЦЕ мы пригласим в себя ряд интересных коллективов и исполнителей. Зрители, видимо, с удовольствием встретятся с нашей французской группой, исполняющей лирические песни Жаклин Франсуа.

Жизнь художественной руководителю А. Броневички, солистка Э. Поля.

В начале марта мы покажем нашим зрителям новую молодежную программу, которую готовит вместе с Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства.

В Министерстве культуры СССР

ГАСТРОЛИ — ДЕЛО ВАЖНОЕ!

ЛЕТНИЕ гастроли драматических театров в минувшем году прошли успешно. Основу репертуара составляли значительные по идейно-художественным достоинствам произведения.

К сожалению, не все театры откликнулись на гастроли с должной ответственностью. Как в свое время отмечала «Советская культура», некоторые театры позитивно не влияли своим постановкам.

ПОЛЕЗНЫЙ ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Министр культуры СССР Е. А. Фурцева приняла 4 января министра культуры ГДР Ганса Беншину.

В тот же день министр культуры Советского Союза имела беседу с министром культуры Дании Гейрой Боудом Кох.

«НЕОБЫКНОВЕННЫЙ АРТИСТИЗМ»

НЕСКОЛЬКО дней назад из полутрехмесячной гастрольной поездки вернулся на Родину известный советский исполнитель, заслуженный артист РСФСР Давид Шафран.

Американский континент Д. Шафран впервые посетил в 1963 году. Первые встречи с Д. Шафраном оставили в памяти американцев огромное впечатление.

«Необыкновенный артистизм» Давида Шафрана предстал перед нами впервые в театре «Джерси» — пишет Дин Уоллес в газете «Сан Франциско хроникл».

В гастрольных поездках Шафрану аккомпанировала Нина Муснига. Американская и канадская печать дает высокую оценку ее исполнительскому мастерству.

130 ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ «РУССКОЙ ЗИМЫ»!

Сегодня заканчивается фестиваль

«Большой успех!» — говорят гости

ФЕСТИВАЛЬ «Русская зима» подходит к концу. 12 дней продолжался этот праздник советского искусства, в котором приняли участие самые блестящие его звезды.

В дни фестиваля состоялась премьера нового произведения Д. Шостаковича — симфонической поэмы «Ля-бедо».

— Я счастлива, что в эти чудесные дни смогу увидеть народный «Русской зимы», советскую Терпихору — Майю Пансевичу в «Лебедином озере».

Самую большую радость зрители испытали от балета «Солдат и черт» на музыку И. Стравинского.

Всегда было полно в Московском цирке. Здесь гости «Русской зимы» вновь встретились со своим любимцем — солнечным клоуном Олегом Поповым.

Самую большую радость зрители испытали от балета «Солдат и черт» на музыку И. Стравинского.

Большую радость принесли гостям фестивалю и встречи с такими прославленными коллективами, как Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря

Москвина, хореографический ансамбль «Берега», Русский народный хор имени Пятницкого.

Драматические спектакли «Русской зимы» проходили на сцене Кремлевского театра. МХАТ показал «Плоды просвещения».

Музы эстрады представляла на фестивале оркестр под управлением Олега Лундстрема. А на Выставке достижений народного хозяйства записаны серебряной трелью валдские колокольчики на русских тройках.

Сегодня в Кремлевском Дворце съездов состоится заключительный гала-концерт, в котором примут участие лучшие представители советского искусства.

«Русская зима» завершается. До будущих встреч!

В. ЖЕГИС.

ПАРАЛЛЕЛИ И МЕРИДИАНЫ

СКОЛЬКО КИЛОМЕТРОВ проедет за три года артистка белорусского цирка? Свердловск, Челябинск, Магнитогорск, Киев, Симферополь, Воронеж, Кострома...

РАЗНООБРАЗНЫ ПОЕЗДКИ

и белорусских артистов эстрады. Одесса — выступления коллектива, возглавляемого заслуженным артистом БССР И. Шилиным.

В МОСКВЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ работников искусства москвичи знакомятся с творчеством солистки Белорусского Большого театра оперы и балета народной артистки БССР Н. Ткаченко.

ПРО ГОРОДАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — отправилась в Ленинград артистка БССР Н. Ткаченко. Зрители Москвы и многих других городов уже знакомы как исполнительница ведущих партий оперного репертуара: Аида, Ярославна в «Князе Игоре», Лида в «Пиковой даме», Дездемона в «Отелло».

В МОСКВЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ работников искусства москвичи знакомятся с творчеством солистки Белорусского Большого театра оперы и балета народной артистки БССР Н. Ткаченко.

Выставки столицы

ВПЕРВЫЕ...

О ТОМ, что в ФРГ забыты пермонтовские реликвии, увлекательно рассказывал в печати, по-телевизионно и радио Иракл Андориков.

Посетители познакомятся здесь с редчайшими документами о жизни и творчестве поэта, с его живописными произведениями, первыми изданиями его стихов, многочисленными книгами поэта, многочисленными портретами современников.

Гравюры У. Хогарта

В ГОСУДАРСТВЕННОМ музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка работ выдающегося английского художника XVIII века Уильяма Хогарта.

Чувство времени

В ЦЕНТРАЛЬНОМ доме литераторов открылась выставка работ художника В. Горьева. На ней около 80 рисунков, жаровных зарисовок, живописных картин, созданных им за последние три года.

Искусство старшего мастера

КАРТИНЫ, натюрморты, пейзажи по мотивам поэм в Заволжье, Среднюю Азию, Закавказье, портреты — все это представлено на персональной выставке одного из старейших художников заслуженного деятеля искусств РСФСР Павла Варфоломеевича Кузнецова.

ЗАЛПЫ шампанского и многозвучные здравницы

ВЗРАДАЛИ. Близкий зал в гостинице «Националь». 2000 иностранцев, приехавших в Советский Союз, чтобы «встретить Новый год как можно восточнее».

Российские тройки и олени упряжки

стали сегодня интернациональными понятиями: каждый из гостей испытал это удовольствие и выразил по-своему свой восторг.

«Русская зима» — обширная программа

театральных представлений, традиционные народные гулянья, знакомство с выставкой достижений народного хозяйства, подготовленной специальной программой для гостей.

Всегда было полно в Московском цирке

Здесь гости «Русской зимы» вновь встретились со своим любимцем — солнечным клоуном Олегом Поповым.

Так встречали Новый год иностранные туристы

в отелях советской столицы. Об этой встрече и о том, как туристы участвуют в празднике «Русской зимы».

Всегда было полно в Московском цирке

Здесь гости «Русской зимы» вновь встретились со своим любимцем — солнечным клоуном Олегом Поповым.

На сцене Кремлевского Дворца съездов выступают участники фестиваля «Русская зима» — артисты прославленной балетной труппы Большого театра СССР. На снимке: сцена из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

изведение у нас (даже ты зависишь на известном) не был в состоянии сыграть его с большей убедительностью.

Кливлендская газета «Плейн дилер» особо высоко отозвалась о Сонате си-мажор Баха, которую Л. Коган играл в городе Оберлине.

КОМБИНАЦИЯ ЧУДЕС

ПЕРЕДО МНОГ толстая пачка вверюк. Они взяты из различных газет разных городов. Перечислить названия всех этих газет — значит мысленно совершить поездку по всем крупнейшим городам Со-единенных Штатов и Канады.

Об исполнении Коганом Концерта для скрипки с оркестром Шостаковича Аллан Холберг из «Миннеаполис трибьюн» писал, что «произведение Шостаковича — не из тех концертов с виральной сложной и игрой на чув-ства публики, которые легко могут очаровать аудиторию вне зависимости от качества исполнения».

НЬЮ-ЙОРК

В ГОСУДАРСТВЕННОМ музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка работ выдающегося английского художника XVIII века Уильяма Хогарта.

Г. КУЗНЕЦОВ, соб. корр. «Советской культуры».

Премьеры, новинки сезона

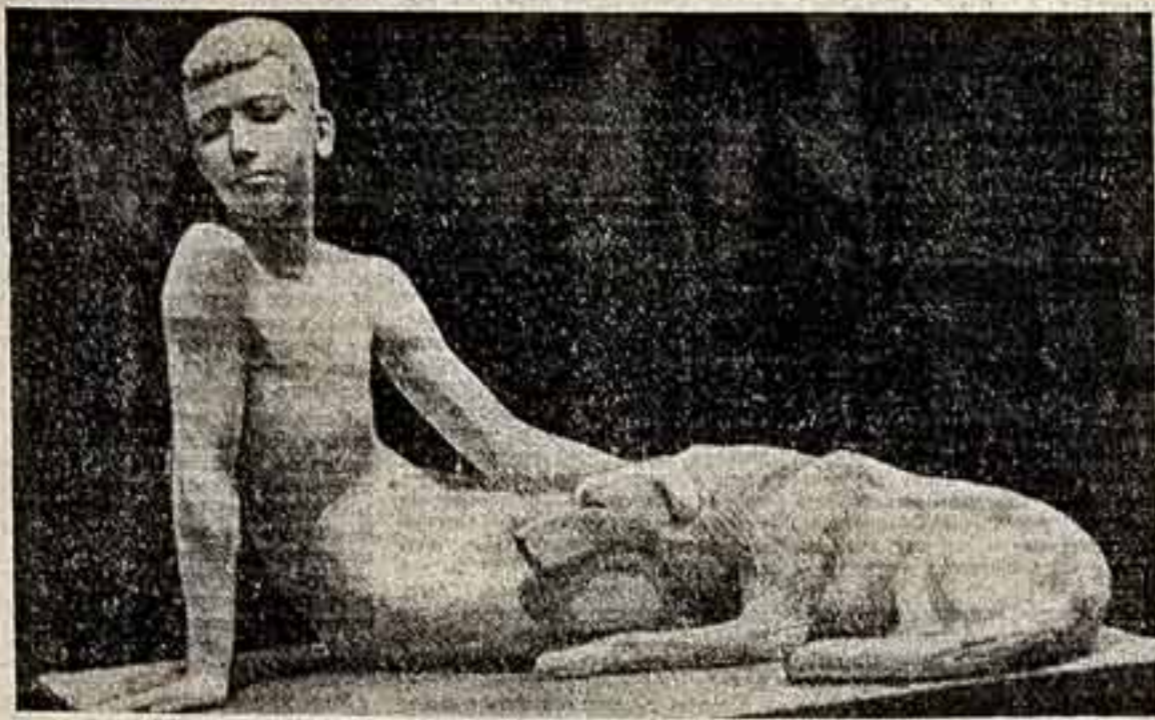
Второе рождение

НАРОДНОМУ музыкальному оркестру, исполняющему на доброту, моментально, эту традиционную форму использовал композитор Баки Бакуров в новом произведении для симфонического оркестра, написанном в стиле казахских народных мелодий.

«Симфонический код» — это ряд пассажей композитора на казахские темы. Оригинальное произведение свидетельствует о неутомимости лондонских и творческих возможностях молодого автора.

Огневая молодость

«КРОВЬЮ» олландцы — это аналитический рассказ о борьбе композитора Карлсона, их борьбе за становление Советской власти на юге республики. Музыкальная драма описана композиторами З. Шакировым и Н. Джурбаевым по пьесе Ф. Латышова и М. Азиева идет на сцене областного Театра имени С. М. Кирова.

О. КОМОВ. «Мальчик с собакой».

«СРЕДНИМ»?

мын героем. Если в романе мотивировка недостаточна, то в спектакле она почти полностью отсутствует. Сохранив на удивление полно фактическую сторону романа, театр утерял его психологическую глубину.

В романе Игити Худун говорит: «Он (человек — И. И.) поддается чувству, страху... Процесс этот медленный. Он выдает человеку все внутри. Я не могу заглядывать вперед дальше чередования ежемесячного взноса за холодильник. Моя работа неясна, неизвестна, и я в это время и боюсь ее потерять». В этой части внутренней исповеди Игити как бы сконцентрированы главные смыслы происходящего. Стремление освободиться от животного, унизительного чувства страха, освобождаясь от него и освобождая от него семью — в этом, пожалуй, главная внутренняя проблема, заставляющая героя Степана совершить преступление.

В романе жена Игити Худун — Мури Худун — в споры по отношению персонажа, а в судьбе Игити Худун она играет, пожалуй, первую скрипку. Игити любит ее и очень хорошо знает ее мысли, мечты, переживания. Он знает, что его милая Мури больше всего на свете жаждет богатства, что она глубоко страдает из-за своего унизительного положения жены пролетария бакалейной лавки, из-за того, что не может «ярче» жить, одеваться. Да, впрочем, она ведь и не хочет, скорее всего, своей страдания и не станет поирать мужа бездельем.

Так в романе. В спектакле мы встречаемся с Игити Худун — П. Массальским. Он чуть красивее, милославнее и благополучнее, что ли, чем Игити в романе, а обаяние, умор, доброта его героя привлекают безоговорочно с первых шагов на сцене.

Вот он, а в конце своего холостяка Марулю (В. Петухов) — раскисает вылетевший товар, подметает пол, вытирает. Но... что это, почему в романе говорится о том, что работа ему ненавистна? Мы видим: этому человеку нравится его работа, он выполняет ее с удовольствием, без тени усталости и немоты. Да что там, он просто рожден для нее! Он продавец почти по призванию!

С ним все мысли и приваиваем, и он мил и приятелен со всеми. У него милая веселая семья, жена, двое детей. Пускай, детки, не могут быть слишком «сладкими», трепетными и нахальными сверх меры, но на то они и дети, чтобы не быть совершенством, а только следовать по пути к нему. Жена Игити (Н. Гошва) весела, довольна судьбой и очень далека от мыслей о деньгах. Нет, такая Мури не станет рыдать от счастья, узнав о сватовстве на нее богатства, как это сделала Мури в романе. Мури — Гошва далека от этого, она, конечно, думает, трогательно и возмущенно, но нет, не в ней одна из причин его падения.

Но тогда в чем же? Ведь не в гадании же Маруды Ян-Хант (М. Юрбан) — не в том же, что хитрая Маруды нагадала ему богатство и он сел себя обязанным опавшей предсказанью? Но тогда в чем же, в чем вся тайна? Ответ на этот вопрос нет, в потому вся вторая половина спектакля, где Игити летит топать жить и играть и совершать преступление, остается в недоумении, и его попытка совершить самоубийство. Неужели бесстыдный поступок сына ученика толкнул его на это? Нет, это мотив для слабонервных, а не для таких, как Игити, бывший со-

бы получить интересное произведение. Пока же на сцене МХАТа идет спектакль-чересчур, издевательский, в котором рассказывается о трех напряженных и тревожных рабочих днях одной из ленинградских машиностроительных заводов, что болезнь можно удалять, только сделав сложный анализ. Тем временем одна из молодых умирает. Проступок вызывает и эту смерть, и то обстоятельство, что второму больному вводит лекарство, которое либо спасет его, если диагноз верен, или убьет, если болезнь определена ошибочно. Колепа благополучно. Риск оправдал себя. Жизнь человека спасена.

Такое содержание спектакля. Позвольте, скажут мне, но почему эта ситуация не может быть положена в основу пьесы? Конечно, можно, но в общими-то не очень острый, старинный, Тухула и поблагодаря (на сцене) задача поучать, а не только и делать, что учить Игити, выставляет его на путь «встречи», то есть наказания, — это является с похвальной этому, а не роль лишь поинтересует, а не делает осмысленной мысль произведения.

Тем же менее уходясь после конца спектакля с ощущением яркости, дающей тяжести показанного, хула, американской жизни. Однако объективная сила романа изначально больше, острее, чем спектакля. А могло бы и наоборот, должно бы быть иначе, если бы инсценировка и театр пошли по пути глубокого раскрытия внутренней жизни героя.

А в какие театры оверд — И мы радуемся этому, хотя понимаем, что идем не в ногу со зрителем в оценке спектакля. Да нет же, нет, в спектакле много хорошего. Прежде всего игра актеров — Массальского, Гошвой, Пружаня и Комиссарова (Витберг). Точно и ясно режиссерское решение, выразительное оформление (художник Г. Епшин).

Нет, тут нет противоречия в оценке: режиссерские и актерские решения точны и ясны; другое дело, что решения эти не в жанре трагедии, а в жанре мелодрамы. Все признаки ее здесь налицо: добрый, обязательный, но бедный герой, таинственная преступница, роковая женщина, неожиданный благополучный поворот, попытка самоубийства, благополучный конец.

Жанр мелодрамы всегда был любим зрителем. Да и кто может возражать против жанра как такового. Только не мелодрама в данном случае зародилась для такого случая? И ведь сама литературная основа — роман Степана давала лишь для разговора со зрителем более значительную (на сцене) роль, а не для такого разговора МХАТу не занимать!

Очерк или пьеса?

По своему замыслу пьеса Г. Вельского «Три долга» могла бы быть интереснее многих других, пользующихся подчас незаслуженной популярностью. В ней по крайней мере дело обстоит без скоропалательной (страх мотыль сейчас на нашей сцене) клоунады, никто не борется в ней с мещанством, узы, мещанские союзы, никто не шепочет особой ультрамодной «экслюзивностью» мысли, которая дальше домысливается, весьма туманной философией двигаться не может.

Весь этот нет в пьесе, и это хорошо. Но, к сожалению, пока еще нет и пьесы. И это по меньшей мере жалко, потому что спектакль, поставленный режиссером В. Моисеенко на этом материале, уже существует. Жаль и потому, что при известной доработке, наверное, могло

было бы получить интересное произведение. Пока же на сцене МХАТа идет спектакль-чересчур, издевательский, в котором рассказывается о трех напряженных и тревожных рабочих днях одной из ленинградских машиностроительных заводов, что болезнь можно удалять, только сделав сложный анализ. Тем временем одна из молодых умирает. Проступок вызывает и эту смерть, и то обстоятельство, что второму больному вводит лекарство, которое либо спасет его, если диагноз верен, или убьет, если болезнь определена ошибочно. Колепа благополучно. Риск оправдал себя. Жизнь человека спасена.

Такое содержание спектакля. Позвольте, скажут мне, но почему эта ситуация не может быть положена в основу пьесы? Конечно, можно, но в общими-то не очень острый, старинный, Тухула и поблагодаря (на сцене) задача поучать, а не только и делать, что учить Игити, выставляет его на путь «встречи», то есть наказания, — это является с похвальной этому, а не роль лишь поинтересует, а не делает осмысленной мысль произведения.

Тем же менее уходясь после конца спектакля с ощущением яркости, дающей тяжести показанного, хула, американской жизни. Однако объективная сила романа изначально больше, острее, чем спектакля. А могло бы и наоборот, должно бы быть иначе, если бы инсценировка и театр пошли по пути глубокого раскрытия внутренней жизни героя.

А в какие театры оверд — И мы радуемся этому, хотя понимаем, что идем не в ногу со зрителем в оценке спектакля. Да нет же, нет, в спектакле много хорошего. Прежде всего игра актеров — Массальского, Гошвой, Пружаня и Комиссарова (Витберг). Точно и ясно режиссерское решение, выразительное оформление (художник Г. Епшин).

Нет, тут нет противоречия в оценке: режиссерские и актерские решения точны и ясны; другое дело, что решения эти не в жанре трагедии, а в жанре мелодрамы. Все признаки ее здесь налицо: добрый, обязательный, но бедный герой, таинственная преступница, роковая женщина, неожиданный благополучный поворот, попытка самоубийства, благополучный конец.

Жанр мелодрамы всегда был любим зрителем. Да и кто может возражать против жанра как такового. Только не мелодрама в данном случае зародилась для такого случая? И ведь сама литературная основа — роман Степана давала лишь для разговора со зрителем более значительную (на сцене) роль, а не для такого разговора МХАТу не занимать!

Очерк или пьеса?

По своему замыслу пьеса Г. Вельского «Три долга» могла бы быть интереснее многих других, пользующихся подчас незаслуженной популярностью. В ней по крайней мере дело обстоит без скоропалательной (страх мотыль сейчас на нашей сцене) клоунады, никто не борется в ней с мещанством, узы, мещанские союзы, никто не шепочет особой ультрамодной «экслюзивностью» мысли, которая дальше домысливается, весьма туманной философией двигаться не может.

Весь этот нет в пьесе, и это хорошо. Но, к сожалению, пока еще нет и пьесы. И это по меньшей мере жалко, потому что спектакль, поставленный режиссером В. Моисеенко на этом материале, уже существует. Жаль и потому, что при известной доработке, наверное, могло

было бы получить интересное произведение. Пока же на сцене МХАТа идет спектакль-чересчур, издевательский, в котором рассказывается о трех напряженных и тревожных рабочих днях одной из ленинградских машиностроительных заводов, что болезнь можно удалять, только сделав сложный анализ. Тем временем одна из молодых умирает. Проступок вызывает и эту смерть, и то обстоятельство, что второму больному вводит лекарство, которое либо спасет его, если диагноз верен, или убьет, если болезнь определена ошибочно. Колепа благополучно. Риск оправдал себя. Жизнь человека спасена.

Такое содержание спектакля. Позвольте, скажут мне, но почему эта ситуация не может быть положена в основу пьесы? Конечно, можно, но в общими-то не очень острый, старинный, Тухула и поблагодаря (на сцене) задача поучать, а не только и делать, что учить Игити, выставляет его на путь «встречи», то есть наказания, — это является с похвальной этому, а не роль лишь поинтересует, а не делает осмысленной мысль произведения.

Тем же менее уходясь после конца спектакля с ощущением яркости, дающей тяжести показанного, хула, американской жизни. Однако объективная сила романа изначально больше, острее, чем спектакля. А могло бы и наоборот, должно бы быть иначе, если бы инсценировка и театр пошли по пути глубокого раскрытия внутренней жизни героя.

А в какие театры оверд — И мы радуемся этому, хотя понимаем, что идем не в ногу со зрителем в оценке спектакля. Да нет же, нет, в спектакле много хорошего. Прежде всего игра актеров — Массальского, Гошвой, Пружаня и Комиссарова (Витберг). Точно и ясно режиссерское решение, выразительное оформление (художник Г. Епшин).

Нет, тут нет противоречия в оценке: режиссерские и актерские решения точны и ясны; другое дело, что решения эти не в жанре трагедии, а в жанре мелодрамы. Все признаки ее здесь налицо: добрый, обязательный, но бедный герой, таинственная преступница, роковая женщина, неожиданный благополучный поворот, попытка самоубийства, благополучный конец.

Жанр мелодрамы всегда был любим зрителем. Да и кто может возражать против жанра как такового. Только не мелодрама в данном случае зародилась для такого случая? И ведь сама литературная основа — роман Степана давала лишь для разговора со зрителем более значительную (на сцене) роль, а не для такого разговора МХАТу не занимать!

Очерк или пьеса?

По своему замыслу пьеса Г. Вельского «Три долга» могла бы быть интереснее многих других, пользующихся подчас незаслуженной популярностью. В ней по крайней мере дело обстоит без скоропалательной (страх мотыль сейчас на нашей сцене) клоунады, никто не борется в ней с мещанством, узы, мещанские союзы, никто не шепочет особой ультрамодной «экслюзивностью» мысли, которая дальше домысливается, весьма туманной философией двигаться не может.

Весь этот нет в пьесе, и это хорошо. Но, к сожалению, пока еще нет и пьесы. И это по меньшей мере жалко, потому что спектакль, поставленный режиссером В. Моисеенко на этом материале, уже существует. Жаль и потому, что при известной доработке, наверное, могло

Бытовой жанр имеет свою судьбу в нашей скульптуре. В довоенные годы в ней было много произведений, раскрывающих облик советского человека в повседневной жизни и труде. Заметно оживился жанр в первые послвоенные годы. Вспомним замечательные, но оставшиеся в своей славе в искусстве произведения — ленинградские этюды В. Циганя, «Струнные резервы» Л. Кербола, «Молодыжки» М.С. А. Файдыша, детские образы Е. Вельского. Тепло рассказывали они о жизни, о простом и прекрасном. Нельзя сказать, что в последние годы произведения на бытовые темы не создавались в скульптуре, но слишком часто они были внешне иллюстративны, описательны, лишены эмоциональности и могли бы оставаться незамеченными в потоке произведений, посвященных героическому подвигу.

Поэтому мы пытаемся изобразить металлурга, вышедшего из цеха, Я. Куряева. Он дает их не в каком-то торжественном противопоставлении (такие немалые астрельные на наших выставках), а в конкретный момент — в наступившую минуту отдыха после напряженной работы. Однако известная композиционность решения сказывается не только в том, что один из рабочих все-таки открыто по-

визию обречение правдивого жеста, способного выразить оттенки внутреннего состояния. Желание усилить жизненную выразительность охватывает все виды и жанры скульптуры. Тесную сюжетную связь фигур, ощущение «скачкового мгновения» мы видели на выставках не только в чисто жанровых произведениях, но и в иных композициях, задуманных более масштабно, в то же время в героическому жанру.

Поэтому мы пытаемся изобразить металлурга, вышедшего из цеха, Я. Куряева. Он дает их не в каком-то торжественном противопоставлении (такие немалые астрельные на наших выставках), а в конкретный момент — в наступившую минуту отдыха после напряженной работы. Однако известная композиционность решения сказывается не только в том, что один из рабочих все-таки открыто по-

ЧЕРТЫ ЖАНРА

Наш современник — в скульптуре

зирует, но в в малой выразительности самих образов, их скульптурности. Бурной динамикой хочет заполнить А. Бурганов свою композицию «На цеху». Ведь она — о горючем нормальности, отдающейся на примах партии. Сильные, мускулистые фигуры передают в стремительном переходном движении. И все же композиция в целом кажется статичной, а образы — почти их «живости» не остаются в памяти.

В то же время мы не фронтально мимически статичной фронтальной композиции Ю. Чернова «Рабочий». В герое так много внутренней значительности, силы, особого достоинства человека труда. Видимо, здесь дело в тонко выраженной внутренней красоте человека, воспринимающейся как таинственное, как новое духовное качество, рожденное в людях нашего времени. Конечно, и на построении композиции Чернов не так проста, как это кажется на первый взгляд. Она свободно развивается в пространстве, хорошо выделена в ней архитектурно человеческая фигура, точно передана непримиримый примычный жест рабочего. Оригинально введена здесь и деталь машинной, как бы воссозданная часть заводского интерьера. Скульптура все более активно овладевает окружающей средой, странством, показывая человека в его многообразных связях со средой.

Необычной кажется композиция В. Вакрамева «Голова» со срединными чуть ниже колен фигурами. Преодолевая препятствие, испорчено шагаю: дает это сразу вызывает ассоциации с вазами, толками, болотом или глубоким снегом. Труден каждый шаг, тяжело лежать, рокаясь на глазах вперед и вперед влуд геолога. Ритм движения, его контрасты и ритмы наполняют собой жизненность всего труппа. Чуть согнувшись, наклонившись всем телом вперед, проваливаясь в упругую дугу влбегает линия, спускающаяся к фигуре геолога, распрямляющаяся, как бы улавливая приближающуюся цель. Запоминается его суровое мужественное лицо.

Некий идеал советского человека, раскрытый здесь, придает особое значение жанровому в своей основе произведению, приближает его к жанру героическому. Характерно, что в своей символической композиции «Жизнь» Вакрамева также идет от реального наблюдения типов людей своего времени. Но, видимо, тема не была им прочувствована до конца. Задача решается скорее в декоративном плане.

Интересно сравнить это произведение с еще одной «Жизнью» — скульптора Ю. Орехова. Думается, что тут процесс создания произведения был иным: автор больше отталкивался от некоего классического идеала (правда, образ «Африки Паллады» здесь чуть корректирован чертами современной лаборатории), и одностороннее подчинилось весьма отвлеченным.

К сожалению, в символических композициях у нас все еще царит классическая схема, не имея реальной жизни мало нарушают их великий покой. Поэтому с интересом воспринимаешь те произведения, где есть попытка синтезировать жанры наблюдения, открыт новый пластический мотив, способный выразить большие идеи нашего времени.

К этому стремился Л. Верин в своей композиции «В космос». Гигант, уверен широко расставленные ноги в земной шар, с огромным напряжением посылает ракету в небо. Это не отвлеченная фанта-

зия — это попытка создать образ народа-титана, народа-создателя. Так раскрывается замысел художника, если попытаться понять его. Но, к сожалению, замысел не нашел своего полного воплощения. И поэтому неизбежно возникает вопрос — движение кажется неестественным, моделировка форм мягкой.

Целком неудачной кажется композиция Н. Брауна «Мы построили жаркое коммунизма», которая изображает буквально жаркое (сладко пахнущее в очертаниях серпа и молота) и рядом фигуры людей, видимо, строителей. Правда, она предназначена для декоративного оформления улицы. И в самом деле, в ней есть что-то от временной скульптуры, стоящей в дни праздника на улицах в конце 20—начале 30-х годов. Но в данном случае, нам кажется, она не очень обогащает городскую перспективу. Можно было бы посоветовать художнику при создании декоративной скульптуры больше пасть от жанровых впечатлений и не прибегать к искусственным построениям. Но, оказывается, он сам прекрасно умеет это делать. Есть на выставке небольшая декоративная вещь Брауна «Алхимик». Кажется, он сделал другой мастер. Конечно, и задачи были другие. Но тем не менее сколько в ней живой наблюдательности, как естественно развивается композиция в пространстве и как точно выбран материал для нее — глина, кованая медь на искристой зеленоватой глазури стекла.

Красота и правда — эти две формы сатиры и в лучших произведениях. Простой, незамысловатый, могла выразить О. Комов для своей композиции «Мальчик с собакой». Но передан он так, что не залоботывается этой вещью. Прежде всего покоряет правду чувства. Притих как бы весь потнувшийся настрелу ласковым лучом солнца мальчишка; все его существо полно гордости за своего могучего друга, такого преданного и чуждо-настороженного в эту минуту. Внутреннее содержание отражает и пластическое единство группы. Соборная, компактная, и в то же время в своем живом, волеобразном движении охватывает максимум пространства, как бы идя с собой частиком окружающей природы.

К жарким решениям обращаются и портреты. Их тут портрет не тема нашей статьи, упомянем об отдельных работах, в которых элементы жанра особенно сильны. Так, Д. Митлянский, «Изобража» Бикса, как бы хочет создать в критическом, остро выразительном, постоянном интеллектуальном напряжении, беспрерывном поиске ученых. За замысел художника не конкретизируется до конца и прежде всего потому, что нет внутренней психологической зацепки группового портрета. В двух портретах В. Дунаева характерна во многом строится на поддержке выразительности жеста. Один из них — портрет известного временника Д. Шостаковича. Как и прежде, остро выразительное решение его композиции. Как-то особенно упорно наклонилась голова, руки создают сложный изгиб линий. Композитор весь ушел в свои думы, пытается уловить какие-то большие ритмы. Художник передает состояние, созвучное характеру самой музыки — Шостаковича — напряженной, острой, способной передать всю сложность, весь захватывающий ритм современной действительности. Да, это творчество, в котором отразился современный мир. А рядом — Монарт, композитор другого времени, другой гармонии — «божественный Моцарт» (естественно как пластика ирония или сопоставление реальности в том, как дана эта характеристика). Как здесь огромное личное приобретает жест, на этот раз изысканный, ритмичный, выразительный, бесконечное совершенство идиотской музыки. Портреты воспринимаются еще острее в сопоставлении друг с другом. Но при этом надо помнить о том, что Шостакович и Монарт — это не конкретные личности, а образы, приближенные, упрощенные, даже переделанные.

Недостатки лепки — это без многих произведений выставки, даже в основном удачных. Как будто хватая что-то главное, прокустовая жест, иная ритм движения, общий силуэт, скульптор слишком быстро старается не потерять ощущение свежести, кончат жест.

Моделировка в самом широком ее понимании выражает характер натур, и в чем обобщение, лепит художник, тем больше деталей он включает (а не отбрасывает) в одну большую форму. Жанр тем более обязывает быть выразительным и точными проявлениями жизни натуры — тому, что составляет его основу.

Непосредственность восприятия, ясность конкретного, внимание к общему и характерному — эти качества нужны не только при создании произведений бытового жанра. Все чаще наши скульпторы ищут в большую обобщенно, используя возможности, свойственные жанру жанрового пластика. Что же, это не единственный путь, но в он может обогатить скульптуру, наполнить ее горчим лютаным современности, сделать еще более чуткой к красоте и величию нашей действительности.

Р. АБОЛИНА.

В ЛЕНИНГРАДЕ состоялось

в Ленинграде состоялось заседание баховских вечеров — рядовые, «буржуйские» концерты, для слушателей они стали праздником благодаря встречам с талантливыми музыкантами и яркими исполнителями в частности с баховскими программными выступлениями М. Фихтенгольца, в котором с организмом Г. Гродберг и молодой органист С. Дайч.

Особенно радостным для ленинградцев было выступление Михаила Фихтенгольца. Впервые выходящая концертная деятельность одного из известных первых советских скрипачей была прервана из-за болезни рус. В Ленинграде Фихтенгольц не играл с 1946 года. За это время в прессе было опубликовано много его статей, изданы переводы различных сочинений для скрипки и, нужно сказать, мастерские. И вот Фихтенгольц снова на астраде. В зале собралось много слушателей, поминших юности, слушавших выступления виртуоза, но много было и таких, для кого Фихтенгольц — только известное имя. Первые же звуки сонаты ма-жор И. С. Баха, которую Фихтенгольц играл с Гродбергом (последний исполнил партию кла-

БАХОВСКИЕ ВЕЧЕРА

виры в переключении для органа), рассказали нам об этом. Прекрасный, ласковый тон, редкая техничная свобода, скрипка, глубина постижения им сокровенного в музыке покорили слушателей. Казалось, что развитие Фихтенгольца-исполнителя не прекращалось, что оно происходило непрерывно и последовательно.

Играть весь вечер Баха — труднейшая для скрипача задача, она под силу лишь музыканту высшего класса. Фихтенгольц справляется с ней успешно. Его исполнение отличается большой естественностью и поэтичностью. Он равно далек как от суровости пуристов, требующих исполнения мимо объективного, а на деле музейного, холодного, отстраненного от «мира и страстей», так и от субъективизма, превращающего свойственные романтической традиции сочинения великого немецкого композитора Сонату соль-минор и Партию ре-минор со знаменитой Чаконой — оба произведения для скрипки соло — Фихтенгольц играл в общем строго, временами уклоняясь от

ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА

Заслуженная артистка Азербайджанской ССР Тамара Махмудова ведет широкую концертную деятельность, выступая как в Советском Союзе, так и в зарубежом. Вместе с другими нашими артистами она посетила Китайскую Народную Республику, Индию, Англию, Бельгию, Швейцарию. Недавно выступала Махмудова и перед москвичами.

Программа ее концерта в Доме Ученик состояла из фортепьянных миниатюр. В нее вошли произведения, пользующиеся широкой популярностью, как, например, мажорная Соната Шарлатана, Блистательный Вебера, «К Элизе» Ветховна, Шестой вальс Шопена, «Вечерняя серенада» Шуберта — Листа, оживленная венгерская рапсодия Листа, «Меланхолия» Дебюсси и другие. Махмудова поставила перед собой нелегкую задачу. Сочинения эти предъявляют артисту особые требования: углубленный выдох «эталон» художественного качества исполнения

аспирантуры у профессора Брауде. Нынешний концерт был, по существу, дебютом исполнительницы перед большой аудиторией. Слушатели, до отказа заполнившие филармонический зал, тепло приветствовали одаренного музыканта, успешно вступающего в оркестр концертующих артистов.

Интерпретация С. Дайчем Баха была привлекательна гармоничностью, ясностью и сердечностью. ЛЕНИНГРАД. М. БЯЛИК.

ВСТРЕЧА С ТАМИЛЛОЙ МАХМУДОВОЙ

этих миниатюр, которые мы бесчисленное множество раз слышали в концертах. Игра пианистки отличалась рядом несомненных достоинств. У Махмудовой хорошая школа (она окончила Московскую консерваторию) и аспирантуру под руководством Я. Заха, красивый звук и большие технические возможности. Наиболее удалась ей произведение советских авторов: поэтично

прозвучавшая «Легенда» Прокофьева, забавная «Юмореска» Шадрина, «Гиты» Янина, Песня и Токката Эшпая, привлекательные своей чаркой простотой азербайджанские танцы Гаджиева. Изумило и с торжесным акцентом были исполнены Вальс И. Штрауса — Гронфелда, «Левушка и соловей» Граталоца.

Недостатком, поредившим хорошему впечатление от исполнения остальных вещей была, видимо, отсутствие у пианистки должной технической «формы». Проявлялась досадная неряшливость, нечеткость

звучания, в также стилистическая «сдвиганность» в исполнении прозаической разницы эпох. Думается, мы не ошибемся, если предположим, что эти недостатки являются результатом «субтракционности» многих номеров, программам, слишком частого использования дирижерской в своих выступлениях. К. СЕЖЕНСКИЙ.

КАРАЧИ — КРУПНЕЙШИЙ город Пакистана с населением свыше трех миллионов человек — не имеет ни одной публичной библиотеки. Если бы города могли умирать от стыда, — отмечала по этому поводу газета «Лидер», — Карачи следовало бы давно быть мертвым городом.

Муниципальная корпорация Карачи заявила в городе не одно многоэтажное ультрасовременное здание. В настоящее время она строит спальный район, приемом для городского муниципалитета. В местной печати указывалось, что строительство такого дорогостоящего здания не вызвало никакой неопределенности.

В Карачи наиболее крупные библиотеки принадлежат британской и американской информационным службам. Однако, как справедливо отмечала газета «Лидер», цели этих организаций не имеют ничего общего с задачами повышения уровня образования в стране.

В местной печати отмечалось, что отсутствуют в городе публичные библиотеки особенно пагубно сказывается на молодежи, которая лишена какого-либо руководства при выборе книг.

Ю. ПАВЛИНОВ.

Еще с того времени, когда тридцать с лишним лет назад вступил в искусство, меня постоянно волнует вопрос, чем, по существу, является для людей искусство и творчество. Каков их смысл? Какова общественная, именно общественная задача, которую выполняет искусство?

В течение многих лет свои взгляды на роль художника, на его место в обществе мне приходилось исправлять и проверять. Накопивший жизненный опыт, а вместе с тем углубляя свои взгляды на искусство и его задачи. Но никогда, однако, не отступил от тех принципов, которые, как мне кажется, являются основополагающими для творческого художника и о которых я хочу рассказать в этой статье.

Замесив произведения искусства, как известно, рождается в уме художника. Процесс этот всегда индивидуален, и является прежде всего результатом переживания автора. В этот период художник может найти и находить полное удовлетворение в самой радости создания.

Это так. Но этого мало. Практика показывает, что как для матери безразлична дальнейшая судьба ее детей, так и для художника безразлична дальнейшая судьба его дитя.

Никогда не было и нет писателя,

будет картина, симфония или фильм, ставшие полезными и живыми только тогда, когда они формируют сознание людей. Это простая правда, тезис, не вызывающий сомнения. И нет творца, который бы не знал этой правды, и — что более важно — не помышлял бы о последствиях своего творчества и роли искусства. Короче говоря, творчество художника —

приобретает к творческой маске. Эти тенденции проявляются и нежелание признать за искусством общественно-идеологическую функцию, является попытками отрицания основной роли искусства — служения обществу.

Однако нельзя смешивать два понятия: служение и прислужничество. В основе истинного служения искусства к литературе обществу

Нет! Он не имеет права на равнодушие. Равнодушие и отход от патристических позиций равноценны предательству. Более того, они равноценны самоуничтожению его как художника. Трудно представить себе истинного мастера, для которого все человеческое было бы чуждым и безразличным.

Не имея возможности уклониться от проблем современной ему жизни, писатель может выбрать один из двух путей: или активное участие в борьбе своего народа за создание новой жизни, или же сознательное подобие «слепоты». Именно подобие, ибо жить в обществе и быть от него независимым невозможно. Игра в подобную слепоту — тоже политика, которая давно уже получила название «политики страха».

В мире, полном жестоких общественных противоречий, художник, сознавший свою общественную роль, должен, если он хочет, чтобы его творчество имело смысл, быть самостоятельным и активным и, не колеблясь, решительно выбрать единственный путь — служение народу.

Следует ли еще говорить о месте художника в происходящем сегодня «последнем и решительном бою»? Да, следует. Служить своему народу в эпоху социалистического строительства — это значит своим

творчеством, своей общественной деятельностью формировать сознание людей в духе самых передовых идеалов — идеалов коммунизма, уважения к Человеку, Свободе, Справедливости. Так, по моему мнению, следует понимать партийность искусства и литературы.

Не означает ли это, что в этих пунктах скрывается какое-либо ограничение для творчества? Отнюдь. Наоборот, именно замена этих идеалов, отказ от них ведет к идеологии духовного мира художника, к вырождению его творчества. Ветство от насущных вопросов современности ведет к глумлению бесполезного самокопания.

Совершенно сознательно и открыто здесь вопрос о тех или иных средствах воздействия творчества художника на умы и сердца людей. Ибо абсолютно уверен, что тот, кто по-настоящему любит человека, кто от всей души хочет служить ему, тот, кто хочет, чтобы на огромном пути марша человечества вперед остался и его вклад, тот не обременяет в выборе тем и форм для своих произведений.

Мир социалистических идеалов неотвратимо богат, он оказывает практически все стороны человеческой жизни. Чуждым нам должно быть только одно: нездоровое к человеку, к смыслу его жизни.

Мир социалистических идеалов неотвратимо богат, он оказывает практически все стороны человеческой жизни. Чуждым нам должно быть только одно: нездоровое к человеку, к смыслу его жизни.

РАЗДУМЬЯ

Станислав Рижард ДОВОЛЬСКИЙ, польский поэт

эта польского Ренессанса Яна Колановского можно найти тревожную строку: «Себе пою и музам» — строку, которая выросла у него из-под пера в минуту горя и глупых художников переживаний. Многие художники в унисон, и за рубежом и в различных вариантах повторяли эту мысль. Но следует помнить, что и все остальное наследие этого мастера поэзии, его дело, посвященное аллажу, опирается на привлекательную выше строку.

Произведение искусства рождается в уме творца, но настоящая жизнь его начинается в том случае, если оно доходит до души и сердец людей. Любое создание —

жизнь, в романтической самоотверженности, которая позволяет молодому совершить невозможное, на первый взгляд гармоничное и естественное. А если судить по проблеме и рассматривать роль молодежи в искусстве и культуре, то все вышеописанное остается в силе.

Есть множество очень привлекательных искусственных, готовых серий юности с ее прямым, целеустремленным путем в искусство, есть множество причин, по которым юность может сдаться и свернуть с дороги. Но если молодежь в какой-то момент спорадически со своей долей, дает убойный удар, то следующие поколения разламываются, за это, так как никто не сдерживает в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

ПОНТИ КАЖДОЕ утро в сапогах в автобус на углу моей улицы: я еду через весь город в Британский музей — работать.

Однажды вместе со мной в автобус вошла целая группа студентов-художников, очевидно, они направлялись в Школу искусства Св. Мартина, что неподалеку от музея.

Как я определила, что они будущие художники? Мне кажется, хотя я и не совсем в этом уверена, что есть особый тип, характерный для них. Три девушки и один юноша как раз соответствовали этому типу: и в одежде, и в манере держаться у них было что-то свое — приблизительно это можно назвать аффективной — отличное от других студентов. Во всяком случае я поняла, куда они едут. Я догадалась, что живут они в Баттерси — здесь можно дешево снять комнату в доминионных. Все они были очень молоды, и, конечно, стеснены в средствах.

У одной из девушек был самый чудовищный, который она поставила под лестницу в автобусе. Наконец, мы подошли к Школе искусства, и они сошли — очень веселые, дружелюбные, задрямленные. Автобус тронулся и вошел в густой поток машин. Случайно оглянувшись, я увидела, как мимо машины в автобусе прямо по середине мостовой бежит юноша из этой четверки. Его подруга зашла в автобусе чудовищно, и теперь она пыталась догнать автобус. Проклятие оставалось, выходящая за необычной юбки, автобус шел вперед, до следующего остановки.

С какой-то точки зрения исход гонимы мог показаться предрешенным. Автобус не остановился, парень не сдвинулся. Но вот автобус свернул за угол, и впереди показалась следующая остановка. Я подумала, не наугад ли ему чудовищно, но ведь я не знала, что в нем. И потому не решилась прыгнуть на помощь. Наконец автобус остановился, но парень был еще далеко, и шансов успеть у него было мало. Оставались последние мучительные

Статья написана специально для «Советской культуры», получена через АПН.

ЮНОША С СИНИМ ЧЕМОДАНОМ

Джеймс Олдридж, английский писатель

В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

Пожалуй, однако, не зря за столь очевидным. Часто оно — где-то с краю творческого воображения, но не с той краем, с какого нужно. Элементы пошлости можно найти во всяком искусстве; в любви экспериментальное искусство есть много ненамеренной пошлости, но не всегда оно уничтожает его.

Однако пошлость, которая разлагает и убивает само искусство, которая действует на инстинкты, которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью», которую можно назвать «пошлостью».

Позвольте привести пример. Совершенно недавно умер Шон О'Кейси — величайший из современных драматургов, пишущих на английском

языке. В свое он не оставил почти ничего — около тысячи фактов. Но он оставил в наследство литературе свое имя, а сам остался в сердце каждого, кто чувствует человечество своим долгом. Почти в то же время умер еще один писатель, из-под его пера вышел литературный персонаж по имени Джеймс Бонд — агент английской секретной службы, который по и дело спасает западный мир от коммунизма при помощи своей исключительной жестокости и чувствительности.

Книги Флеминга продаются миллионными тиражами, в течение двух лет фильмы по его романам принесли большие деньги, чем любая другая популярная книга. Когда он умер, он оставил после себя триста тысяч фунтов, и репутацию, которой суждено было равняться, сколько будет культивироваться в искусстве жестокости. А затем Флеминг удостоился чести вновь умереть. Сам он назвал себя «крупицей жизни» и «миллионными проблемами».

форм. Это, кстати, самая большая пошлость и касается моего следующего поколения о том, что дома и умный толчок молодежи, заставляя ее капитализировать, не извая борьбы, коммунарный хаос — отражение социализма, уродливый и эти социальные условия никогда нельзя свести к чему-то одному, так же, как не может быть одного вида культуры. Старое всегда проникает в новое. А между ними — безопасная середина. Управлять посредством указа из безопасной середины двумя крайностями одной культуры — это именно то, что подталкивает молодежь кривлять и не дает ей взлететь в небо. Позволяют возможности предпринимательства, и падение перья с крыльев конюшника. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

Нет постоянных эталонов красоты, посредством которых можно все измерять. Есть постоянное наследие, а это не одно и то же. Наследие колонии предостерегает, но также и призывает к новому. Догма безопасности, правда, утверждениям о людях, утверждениям о людях, без понимания и воображения — это смертельный удар для молодежи. Он убивает молодежь и поворачивает в отчаяние поколение, которое хочет, родившись из прошлого, полететь в будущее.

СНИМАЕТ АЛЕКСАНДР ФОРД

НА ЗАНЯТИИ Польши в кадре нового года вышел фильм «Первый день свободы» известного польского режиссера Александра Форда, создателя

Кадр из фильма «Первый день свободы».

Плоды голливудского «воспитания»

ДВА СЕНЕГАЛЬСКИХ юноши, встретившись с американскими студентами, пришли к выводу, что примером терпеливости послужит пример терпеливости «воспитания». Один из них и крошечные шляпки, они двинулись в рестораны и дома двинулись к крикам «Хейс! А!», то

КИНОПАНОРАМА

МОЛОДОСТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ФИЛЬМА

В БЕСЕДАХ с иностранными кинематографистами нередко приходится слышать такой вопрос: «Каковы причины подъема чехословацкого кино? Чем объясняется тот факт, что только за последние два года вы получили несколько международных призов?»

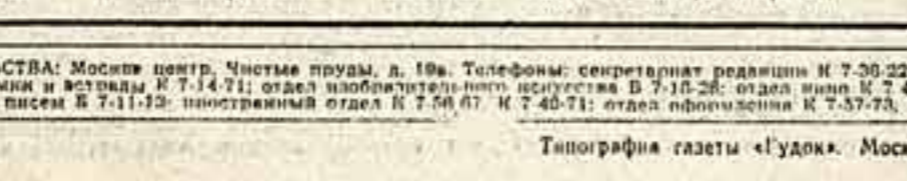
Отвечая на этот вопрос, прежде всего надо сказать о благоприятных условиях для развития культуры, созданных в социалистической Чехословакии. Наши кинематографисты получили большие возможности для творчества, широкий путь открыт для молодежи. Однако, проблема является одной из решающих факторов в развитии национальной кинематографии.

НОВАЯ РАБОТА Клаудиа Кардинале

Для НАЧАЛА несколько цифр. Дотошные статистики подсчитали, что за прошлый, 1964 год фото молодой итальянской актрисы появилось на обложке журналов страны более 50 раз в неделю, в статей и того больше — до 80 в день! Большинство этих материалов изображали Кардинале как итальянский вариант Брижит Бардо. И лишь известный итальянский режиссер Лукино Висконти угадал в молодой актрисе нечто большее, чем просто игривую озорную кошечку. Сначала он дал ей небольшую роль в фильме «Рокко и его братья». Затем актриса блестяще сыграла центральную роль Анжелики в фильме Висконти «Леопард».

И вот новая роль... «Я хочу сделать образ, который останется незабываемым», в истории кино, заявила Лукино Висконти, присутствуя на съемках фильма «Далекие звезды» Большой Медведицы. Главная роль поручена Клаудиа Кардинале. Когда журналисты и продюсеры, удивленные столь анимационным названием

фильма, обратились к Висконти за разъяснениями, режиссер сообщил, что в названии киноленты есть некая связь со словами «воспоминания». Итальянский поэт периода романтизма Диносано Леопарди. Сюжет фильма режиссер резюмировал как современный вариант античной легенды об Электре и Оресте.

О ПЯТЬ ФРЕЙДИЗМ

ФРЕЙДИЗМ по-прежнему продолжает оставаться одной из излюбленных тем буржуазного кинематографа. Однако за другой следуют попытки расширить биографию австрийского психиатра, популяризировать его учение.

«Не будет весны для Марин» — новый американский фильм призван, по мнению авторов, популяризировать идеи Фрейда. Сюжет его сводится к следующему: юную актриску, страдающую еще многими психическими заболеваниями, пытаются вылечить ее жених. Единственное его лекарство — снадобье, которое можно почерпнуть в наиболее популярных учебниках по Фрейдизму.

Французская кинокритика весьма критически восприняла эту лекцию «о психоанализе», создателю, кстати, «мастером киножурналов» Альфредом Жюком.

Говорит любимица болгарской публики, актер Георгий Калоянчев.

В настоящее время я снимаюсь в фильме «Волны» режиссера Рангела Виланова по сценарию Хана Оливера. Я исполнил главную роль — преподавателя в школе для трудновоспитуемых детей и подростков. Это моя вторая серьезная работа в кино после фильма «Испектор и ночь». Но так уж получилось, что я утратил и в театре, и на эстраде как комический актер. Больше того, публика настолько привыкла